



А. Е. Ухналев

Реакция В. А. Коренцвита на мою книгу, посвященную Невской ограде Летнего сада<sup>1</sup>, не была для меня неожиданной. Читателям журнала автор критической статьи\* хорошо знаком своими обстоятельными публикациями по истории сада. Невская ограда – предмет его научных интересов, и он не мог остаться равнодушным к изысканиям коллеги. Удивляет только чрезвычайность того упорства, с которым В. А. Коренцвит популяризирует свою критику: статья в «Истории Петербурга» – третий «клон», увидевший свет за два-три месяца<sup>2</sup>. Теперь, пожалуй, больше читателей знакомо с пересказом моей книги Коренцвитом, чем с оригинальным исследованием.

Само же возникновение дискуссии радует. В последнее время появлялись работы, которые могли бы спровоцировать реакцию, но почему-то споры не завязывались. Вопрос же об авторстве произведений искусства, созданных в XVIII веке, дискуссионен в самых

своих основаниях. Дело в том, что в то время отношение к авторству было совершенно иным, чем теперь. Иным было, соответственно, и отношение к формальному утверждению авторства. Потому и приходится современным исследователям прерывать горы документов, проводить ювелирный искусствоведческий анализ, чтобы выяснить правду. А правда эта подчас состоит в том, что архитектор в свое время полностью или с минимальными изменениями заимствовал фасад постройки в каком-нибудь западном увраже\*\*. Или же над проектом трудилось последовательно несколько архитекторов, каждый из которых внес в него что-то свое, заимствованное, в свою очередь, у коллег или предшественников.

Но было бы ошибкой совершенно отказываться от постановки вопроса об авторстве, в особенности когда речь идет об оригинальном сооружении (разумеется, при ясном понимании той меры оригинальности, которая возможна в памятниках

XVIII столетия). Ограда Летнего сада – как раз такой памятник, для которого возможна и постановка, и разрешение вопроса о его авторе.

Не уверен, что даже последовательное и обстоятельное обсуждение поднятых В. А. Коренцвитом вопросов разрешит ситуацию. Комплекс вопросов настолько сложен, они столь прочно взаимосвязаны, что разобраться в доводах оппонентов невозможно, не зная памятника, особенностей места, на котором он возведен, истории создания ограды, связанных с ней документов и проектных материалов. Чтобы приблизиться к проблематике, надо бы как минимум прочесть статьи Р. Д. Люлиной, но лучше было бы прочитать мою книгу. В этих трудах предмет излагается последовательно и систематически, причем в книге гораздо подробнее, чем это могла позволить себе моя предшественница. Прочитав книгу, вы, помимо фактической стороны дела, познакомитесь в оригинале, а не в передаче оппонента, с той системой аргументации, на

\* См.: Коренцвит В. А. Автор Невской ограды Иван Фок? // История Петербурга. 2006. № 5 (33). С. 3–8.

\*\* Увраж – художественное издание гравюр большого формата. – Ред.



которой основаны дерзающие на научную традицию выводы. Смею вас уверить, что в книге тем или иным образом освещены *все* те вопросы, вокруг которых завязался спор. Но прежде всего, как и заявлено в заглавии, в книге дается подробный очерк истории строительства ограды, обстоятельства которого известны не одному лишь В. А. Коренцвиту.

Главные возражения оппонента связаны с моим утверждением о том, что проект ограды создан Иваном Фоком. В. А. Коренцвит считает, что проект разрабатывался Юрием Фельтеном, а первоначальным эскизом, в котором якобы были заложены все принципиальные решения, определившие облик ограды, был чертеж из Хельсинки, выполненный неизвестным автором. Помимо этого, возражения связаны с приведенной мною реконструкцией эволюции проектного замысла, в частности, с тем, как по документам восстанавливается вид первоначально задуманной ограды.

В. А. Коренцвит основывает свою аргументацию авторства Фельтена на рапорте архитектора, относящемся к 1773 году, в котором говорится: «Во исполнение данного мне из оной Канторы указа, которым должно... решотку... зделать...» Исследователь считает, что речь здесь идет о каком-то новом по отношению к высочайшему повелению от 7 июня 1770 года (с него началась эпопея сооружения ограды) указе<sup>3</sup>. В силу этого нового указа, адресованного непосредственно Фельтену, якобы аннулировался указ 1770 года и с ним вместе первоначальный проект Фока, а новый проект поручалось составить Фельтену лично.

Это мнение В. А. Коренцвита не более как самообольщение. Текста этого указа нет ни в одном из дел по строительству ограды. Но причина этого – не небрежность секретарей. Такого документа просто не было. В продолжение всего строительства ограды оставался в силе первоначальный указ, данный 7 июня 1770

года. Императрица изволила поручить тогда составление проекта Фоку, но «порядок есть порядок», и указ Бецким был передан в Кантору «господам присутствующим» и поступил к Фельтену как главному архитектору. На него он и ссылается в приведенном В. А. Коренцвитом документе<sup>4</sup>. Точно так же большая часть (о меньшей части см. ниже) рапортов, отношений, отчетов о торгах и тому подобных документов на протяжении всего строительства начинается ссылкой на этот указ, а часто и прямым его цитированием.

Впоследствии было издано еще несколько указов, касавшихся частных моментов, например, ваз на колоннах ограды или разработки очередных вариантов верхних украшений ворот (последний опять-таки был адресован Фоку). Тексты и даты тех указов известны, а когда на них ссылаются в документах, цитируют их содержательную часть или приводят их «выходные данные».

Далее В. А. Коренцвит утверждает, что и чертежи Фельтена налицо, что, безусловно, доказывает его авторство. Но у исследователей творчества Фельтена не возникало и тени сомнений по поводу того, что указанные два чертежа (в статье В. А. Коренцвита рисунки на с. 5 слева) выполнены не Фельтеном. Отличить откровенно слабый чертеж от работы мастера, манера которого хорошо известна по многим достоверным графическим произведениям, сможет любой внимательный человек. В тех чертежах руке Фельтена принадлежит только подпись<sup>5</sup>.

Архитектор, однако, мог подписать те чертежи по праву, поскольку в них все же отразился его творческий вклад в разработку проекта. Фельтеном придуманы запечатленные на чертеже верхнее украшение средних ворот и решетчатые панно, фланкирующие их створки. Но лишь последние детали были осуществлены без изменения. Проект верхних украшений ворот неоднократно переделывался, и изготовлены они были по рисунку Фока. За подробными разъяснениями вновь отсылаю читателей к моей книге.

Отдельный предмет обсуждения – вид ограды по первоначальному проекту. Не могу понять, почему у В. А. Коренцвита вызывает сомнение значение длины сооружения в



40 сажень и первоначальное число столбов, равное 14. О таких именно значениях прямо говорится в смете Фельтена<sup>6</sup>. Тот же размер сооружения получается при сложении длин цокольных камней и баз колонн, размеры и количество которых приведены тем же Фельтеном в описании, последовавшем вслед смете спустя 4 месяца<sup>7</sup>.

При чтении статьи В. А. Коренцита иногда возникает сомнение: внимательно ли читал он книгу. Он предлагает мне указать место, где короткая ограда могла находиться в саду. Мною дан ответ на этот вопрос и ясно показана обоснованность длины ограды в 40 сажень топографией сада. Планировка Летнего сада известна В. А. Коренциту во всех тонкостях. Две боковые меридиональные аллеи сада расположены на неодинаковых расстояниях от центральной. К этой исторической неправильности планировки вынуждены были принаравливаться создатели ограды. Сорок сажень как длина сооружения определены естественным образом, когда для средних ворот было определено место против центральной аллеи, а для восточных боковых ворот – в створе восточной аллеи. В этом случае западные ворота симметричной ограды не оказывались против западной дорожки. Но когда ограда в проекте была увеличена до 100 сажень, а западным воротам было определено место против «своей» аллеи, смещенными оказались восточные ворота. Соответствующая аллея теперь «упиралась» в столб! Если кто-либо из читателей этому не верит, пусть сходит в Летний сад, найдет место, где стояли ворота до 1867 года (это нетрудно), и убедится сам. Так что *полного* согласования вида сооружения с планировкой сада не было и не могло быть ни на одном этапе проектирования и строительства.

Что же касается того, что в первоначальном проекте планировалось трое ворот и десять звеньев (по 5 в сторону от средних ворот к боковым), то как можно с этим спорить, если на основании описания Фельтена от 11 января 1771 года, на которое я ссылался

выше, однозначно устанавливается, что в ограде должно было быть 14 столбов и 10 «прясел» (звеньев)! Неужели «единственные» (по В. А. Коренциту) ворота фланкировались парными колоннами? Но в таком случае ограда не уложилась бы в 40 сажень.

Целый конгломерат неясностей и недоразумений образовался вокруг истолкования В. А. Коренцитом предложенной мною датировки чертежа, воспроизведенного в его статье на с. 5 справа. Это неудивительно, поскольку чертеж является одним из важнейших звеньев в цепочке доказательств авторства Фока. Не могу не признать правоты Виктора Абрамовича, обратившего внимание на то, что на «роковом» чертеже копы и рамки расставлены так же, как и в последующих вариантах, но поскольку их не 9, а 8, то и прясло, соответственно, короче. К этому наблюдению добавлю от себя, что ширина прясла на чертеже равна ширине ворот.

Однако все эти замечания никак не отражаются ни на одном из доказательств моей датировки проектного листа. Напротив, это – дополнительный аргумент в пользу предельно раннего времени разработки проекта, запечатленного на чертеже. Действительно, этот проект, при всей определенности и проработанности в деталях, по своему характеру умозрачен. Он абстрагирован от действительной топографии сада, от реальных условий места своего осуществления. Это проект «ограды вообще», дающий принципиальное художественное решение объекта. В сущности, именно это и требовалось на самом раннем эскизном этапе – определить *вид*, а не конкретные габариты ограды. В этой ситуации совершенно естественно, что архитектор принял единый модуль для всего сооружения – единый шаг колонн, независимо от того, заключено ли между ними звено или ворота<sup>8</sup>.

Следующим этапом в разработке проекта стала привязка эскиза к местности. Тут-то и оказалось, что условие «вписать» ограду в 40 сажень «дистанции» требует увеличения длины звеньев, что и

было сделано путем добавления одного элемента решетки – рамки с копьем. Черту под этим этапом подводит смета Фельтена от 11 января 1771 года, хотя очевидно, что необходимость увеличения длины прясла была осознана сразу после появления эскиза и отражена в обобщенной смете от 10 сентября 1770 года. Это доказывает тем, что при изготовлении проектной модели и пробных элементов звена, начиная с сентября 1770 года, держались увеличенного числа элементов в звене решетки – не восьми, как в эскизе, а девяти (все это отражено в документах). Стало быть, чертеж действительно относится к июню-сентябрю 1770 года и является эскизом, определяющим вид будущей ограды в общих чертах. И эти «общие черты» были полностью осуществлены в сооружении. На этом этапе, то есть в июне-сентябре 1770 года, как известно из указа императрицы, составлением проекта занимался именно Фок. Если даже допустить, что два года спустя разработку проекта поручили лично Фельтену, придется признать, что он всего лишь перерисовал чертеж Фока, не добавив ничего принципиально нового.

Что же касается тех расчетов, которые я привожу в книге с целью подтвердить ряд важных для реконструкции хода проектирования ограды моментов, в частности, одинаковый вид всех трех ворот на начальном этапе, то они основаны не на величинах, снятых с указанного чертежа, а на данных описания Фельтена 1771 года, конкретизирующего ту эскизную разработку. Здесь-то и оказывается существенным применение верного значения сажени. Большая советская энциклопедия, из которой почерпнуто В. А. Коренцитом значение сажени, равное 216 см, – солидное издание. Но это не значит, что всему написанному в ней следует верить безоговорочно. В наиболее авторитетном сочинении по русской метрологии – книге Л. В. Черепнина говорится о сажени в 213 см\*, как о единственной в то время мере длины, узаконенной еще в царствование императрицы Елизаветы Петровны. Личный мой опыт

\* По В. И. Далю сажень – мера в 3 аршина, т. е.  $0,711 \text{ м} \times 3 = 312,3 \text{ см}$  (см.: Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Совр. версия. М.: Эксмо, 2002. С. 21, 574. – *Ред.*)

работы с документами и чертежами XVIII века говорит о том же.

В. А. Коренцвит считает, что в проекте Фока (то есть, как я доказываю, в обсуждаемом нами чертеже) не могло быть фестонов, украшающих колонны. Но если до 1774 года не предпринималось действий по изготовлению пробных фестонов, это не означает, что до того момента их в проекте не было. В описании Фельтена 1771 года о бронзовых украшениях не сказано ни слова. Поэтому, по рассмотрении описания, Фельтену было предписано рапортовать о том, какие литые детали должны украшать ограду. Однако и в 1778 году в документах указывалось, что ни чертежа, ни сметы на бронзовые «штуки» Фельтеном не представлено.

Заявляя, что фестонов на ранних чертежах быть не могло, В. А. Коренцвит уничтожает собственное утверждение о том, что эскизом будущего сооружения был чертеж, опубликованный В. В. Дмитриевым (в статье В. А. Коренцвита рисунок на с. 7 сверху). Ведь на том чертеже есть и фестоны, и даже венчающие колонны шары – предтечи тех ваз и урн, которыми ограда была украшена уже на последнем этапе строительства.

Реконструкция развития проектного замысла путем сопоставления первоначальных смет и реальных затрат с привлечением материалов торгов, как это делает мой оппонент, бесперспективна. Значительное превышение расходов над сметой мы наблюдаем на всех

крупных постройках XVIII века. В абсолютных цифрах в нашем случае смета была превышена в 8 раз, но в сопоставимых значениях (длина ограды в ходе строительства была увеличена в 2,6 раза) было допущено трехкратное превышение. Для практики того времени это – не предел.

По Коренцвиту выходит, что значительное увеличение стоимости сооружения, приведенной к единице веса или длины, вызвано усложнением проекта Фельтена, сменившего проект Фока. Но каким же в этом случае должен был быть гипотетический проект Фока, если ограда в окончательном (то есть сложном и дорогом) варианте поражает именно тем, что ее исключительная выразительность достигнута предельно простыми и лаконичными средствами. Самые простые образцы решеток и ворот из французских увражей того времени кажутся рядом с ней усложненными. Очевидно, что нет надобности привлекать для объяснения роста цены какие-либо иные факторы, кроме обыденных практических соображений подрядчиков.

Напоследок о чертеже из Хельсинки. В. А. Коренцвит приписывает ему высокие художественные достоинства и признает за ним значение предпроектной разработки, определившей вид всех элементов ограды. На самом деле чертеж – работа дилетанта, по уровню не сравнимая с профессиональными разработками Фельтена, Фока, Егорова (я говорю здесь о замысле как

таковом, а не об уровне выполнения, – не видя чертежа в оригинале, судить о нем невозможно). Чертеж такого качества едва ли мог вдохновить архитекторов-профессионалов. Скорее им могло быть предложено в качестве образца какое-либо изображение из многочисленных увражей.

Следует отметить, что и в чертеже из Хельсинки, и в осуществленном сооружении применены формы и приемы, выработанные западноевропейскими художниками-декораторами и повсеместно применявшиеся на практике. Наглядно убедиться в этом можно, ознакомившись с соответствующей главой моей книги. Оригинальность петербургского памятника состоит вовсе не в рисунке элементов, а в том новом художественном качестве, в которое претворились «общие места» европейского дизайна.

Еще пару слов об обещанном В. А. Коренцвитом рассказе о «вкладке» Кваренги в создание ограды. Эта гипотеза вызывает по меньшей мере удивление. Она не обоснована абсолютно ничем, кроме одного вышедшего из мастерской Кваренги чертежа, не очень точно и аккуратно фиксирующего вид завершеного сооружения.

Так последовательно я мог бы дать ответ на все замечания В. А. Коренцвита. Но сделать это в одной статье невозможно, да и не нужно. Повторяю, все ответы уже содержатся в моей книге. Следует лишь внимательно прочитать ее.

<sup>1</sup> Ухнаев А. Е. Невская ограда Летнего сада. Очерк истории строительства. СПб., 2006.

<sup>2</sup> Сначала статья под этим названием появилась в журнале «Дизайн и строительство», затем копия первой статьи вышла в сборнике докладов очередной Царскосельской конференции.

<sup>3</sup> Источники указаны в статье В. А. Коренцвита.

<sup>4</sup> Поручение составить проект персонально Фоку, последовавшее через голову его начальника, действительно выглядит неожиданно. Связано это, по-видимому, с тем, что эскизный проект, разработанный Фоком, тогда уже существовал и был императрицей одобрен. Указом лишь формально давалось начало работам, указ был основанием для открытия их финансирования.

<sup>5</sup> Известная на настоящее время архитектурная графика, связанная с оградой, подробно описана и проанализирована в соответствующем разделе моей книги.

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (86/520). Д. 11. Л. 1

<sup>7</sup> Там же. Л. 20 об. – 21.

<sup>8</sup> Утверждение В. А. Коренцвита о том, что ширина звена ограды была определена исходя из расстояния между рядами деревьев аллеи, идущей вдоль Лебяжьей канавки, не выдерживает критики. Редкие деревья в современном Летнем саду имеют возраст больше 100 лет. В XVIII веке (и вплоть до середины XIX века) аллеи сада были обсажены стриженными шпалерами. Совпадали ли они с линией посадки современных деревьев? – никто не возьмется сейчас уверенно ответить на этот вопрос. Но главное, что при начале работ по постройке ограды перспектива аллеи вовсе не просматривалась со стороны Невы! В то время еще существовал располагавшийся вдоль канала корпус Второго Летнего дворца.